

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИСВОЕНИЕ И РАСТРАТУ

АЛСЕИТОВ ЧЫНГЫЗ САДЫРБЕКОВИЧ
преподаватель ИЮИ КГЮА
ualibrary@mail.ru

Данная статья раскрывает исторические этапы развития законодательства об ответственности за присвоение и растрату. Анализируются нормативные акты Уголовные кодексы РСФСР 1922 и 1926 гг., и Новый УК КР

The given article opens historical stages of development the legislation on responsibility for assignment and waste. Statutory act criminals codes of RSFSR 1922 are analyzed both 1926 and new UK KR.

История уголовно-правовой охраны социалистической собственности тесно связана с историей советского государства.

В связи с этим можно выделить и соответствующие этапы развития законодательства об ответственности за посягательства на собственность.

Первый этап охватывает 1917-1922 гг. Это послереволюционный период, начало становления советского права. Основу для борьбы с посягательствами против социалистической собственности, в частности с хищениями, составляли декреты местных и высших органов советской власти. Одно из первых упоминаний о присвоении и растрате встречается в Положении о революционных военных трибуналах от 20 ноября 1919 г.

Так, перечисляя преступления, совершаемые военнослужащими, Положение упоминает «дела о присвоении и растрате вверенного по службе имущества, дела о похищении и промотании предметов вооружения... и иного военного имущества¹». К общедолжностным корыстным преступлениям Положение относит присвоение и растрату, а равно хищения государственного имущества, совершаемые должностными лицами².

Как мы видим, названное Положение не отождествляет присвоение и растрату с хищением, рассматривая их в качестве самостоятельных преступлений, посягающих, в частности, на вверенное имущество.

В 1 июня 1921 г. был издан декрет «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями». Этот декрет явился реакцией на достигшие огромных масштабов корыстные посягательства на социалистическую собственность в период перехода страны к новой экономической политике. Значение этого декрета состоит в том, что;

во-первых, в нем дается понятие некоторых форм хищения (например, незаконный отпуск товаров лицами, работающими в органах снабжения, распределения, заготовки и производства; заведомо незаконное получение товаров из государственных складов, баз, распределителей и т.п.);

во-вторых, была предусмотрена ответственность за некоторые виды содействия хищению;

в-третьих, были указаны обстоятельства, отягчающие ответственность за хищение (крупный размер, многократность, ответственное положение виновного)³. Таким образом, за счет включения в понятие хищения перечисленных выше форм преступного поведения законодателем был существенно расширен объем этого понятия (хищения).

Второй этап (1922-1932 гг.) характеризуется действием уголовных кодексов РСФСР 1922 и 1926 гг. Окончание гражданской войны и переход к мирному строительству вызвали необходимость укрепления законности, кодификации уголовного законодательства.

Составы хищений в уголовных кодексах помещались в разных главах. В ст.105 УК 1922 г. (глава о должностных преступлениях) предусматривалась ответственность за злоупотребление должностным положением как средства хищения, в ст.113 УК 1922 г. (ст.116 УК 1926 г.) - за

¹ История советского уголовного права (1917-1947). - М., 1948. - С.195

² См.: История советского уголовного права. - С.228. См.: Соотак Я.Я. Преступления против социалистического имущества. - Тарту, 1983. - С.5-10.

³ См там же

присвоение или растрату должностным лицом вверенного ему имущества. В главе об имущественных преступлениях в ст.185 УК 1922 г. (ст.168 УК 1926 г.) было предусмотрено наказание за присвоение вверенного имущества частным лицом.

Уголовные кодексы РСФСР 1922 и 1926 гг. практически воспроизвели с некоторыми изменениями (упрощением) нормы Уложения о наказаниях 1885 г., предусматривавшие ответственность за присвоение. Были перенесены в УК РСФСР и понятия «присвоение» и «растрата». Должностное присвоение рассматривалось как разновидность присвоения вообще. В содержание рассматриваемых понятий уголовными кодексами вкладывался такой же смысл, что и Уложением. Это очень хорошо видно при анализе комментария к рассматриваемым статьям УК РСФСР.

Однако в ходе применения, как норм Уложения, так и норм УК РСФСР, в уголовно-правовой теории и в следственно-судебной практике не было определенной четкости в понимании названных терминов, не хватало системности и логической завершенности в их определении.

Так, в ст.168 УК РСФСР 1926 г. присвоение определялось как «удержание с корыстной целью чужого имущества, вверенного для определенной цели, или растрата этого имущества». Как видим, по УК РСФСР, присвоение выражается в двух формах: удержания и растраты. Оно не относится к хищениям, отличается от них, хотя также посягает на собственность. По сути, повторяются нормы Уложения 1885 г.

Не идет дальше и теория советского уголовного права. Так, М.И. Гернет комментировал норму УК о присвоении следующим образом: «...в отличие от похищения присвоение не предполагает изъятия имущества из владения другого лица, т.к. имущество, находясь в обладании присвоившего его лица на том или ином законном основании, только самовольно удерживается им»⁴.

А ведь еще И.Я. Фойницкий писал по этому поводу: «Вместе с присвоением похищение имущества образует группу так называемых корыстных посягательств против движимости. Присвоение отличается от хищения тем, что виновный на законных основаниях владеет имуществом и лишь противозаконно обращает его в свою собственность. Не могут быть относимы к похищению такие действия, которыми хотя и производятся изменения в имущественной сфере потерпевшего, но без изменения фактического владения имуществом (присвоение)»⁵.

В ст.116 УК РСФСР 1926 г. (ст.113 УК 1922 г.) говорилось о должностном присвоении, которое определялось как «присвоение или растрата должностным лицом имущества, находящегося в его ведении». В данном случае растрата выделяется законодателем в самостоятельную форму должностного посягательства на собственность, наряду с присвоением. Видимо, чувствуя некоторую нелогичность такого построения нормы, автор комментария к анализируемой статье УК разъясняет, что должностное присвоение выражается в распоряжении виновным находящимся в его обладании имуществом как своим собственным, а именно: виновный издерживает его (растрата) или удерживает его (присвоение в тесном смысле). И в данном случае, по мнению автора, «растрата есть один из способов действия при присвоении, и в связи с этим указание в законе на растрату является излишним».

Отличала присвоение от хищения в то время и судебная практика. Так, в определении Верховного Суда РСФСР от 6.01.25 г. по делу № 211656 говорилось: «Недостача может быть следствием различных причин, и в зависимости от этих причин должна производиться и квалификация: если по делу точно установлено, что недостача явилась результатом систематических хищений со стороны служащих, - квалификация по ст.180-а УК;

если недостача получилась оттого, что служащие брали товары или деньги, вырученные от их продажи себе, присваивали на кутежи или на улучшение своего благосостояния, - тогда по ст.113 УК должностное присвоение и растрата.

Подводя итог анализу норм об ответственности за присвоение и растрату, содержащихся в УК РСФСР 1922 и 1926 гг., следует отметить, что законодательство практически воспроизвело положения уголовно-правовой теории дореволюционного периода об этих преступлениях. Растрата не признавалась самостоятельным преступлением, а выступала формой присвоения. Присвоение относилось к особому виду посягательств на собственность, наряду с хищением. Оконченным присвоение считалось с «момента издержания или обращения имущества в свою собственность, что

⁴ Гернет М.И. Уголовный кодекс. Научно-популярный практический комментарий. - М., 1925. - С.24

⁵ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. - СПб., 1907. - С.160, 170, 175.

могло быть установлено, например, отсутствием имущества на месте при производстве ревизии ..., не нахождением его в том количестве, в каком оно должно было находиться в наличии и т.п.»⁶.

К середине двадцатых годов растраты стали самым распространенным посягательством на собственность, о чем свидетельствовало, в частности, заявление Н. Крыленко, сделанное им на страницах газеты «Известия»: «Оставлен расстрел за присвоение и растрату, совершаемые должностными лицами, а равно за присвоение ими особо важных государственных ценностей. Такая суровая санкция объясняется необходимостью борьбы с эпидемией растрат, имеющей место за последнее время»⁷.

Анализ уголовного законодательства и судебной практики по делам данной категории, изучение точек зрения и мнений, высказанных в теории уголовного права того времени, дает основание сделать следующий вывод. Ни у законодателя, ни у научных и практических работников еще не сложилось четкого представления о сущности присвоения, в частности, о том, является ли оно самостоятельным преступлением (хотя и посягающим на собственность, но не относящимся к хищению, а лишь поставленное в один ряд с ним), или это одна из форм хищения.

Отсутствие четкого понимания этого вопроса приводило к противоречивости в суждениях правоведов. Одни считали присвоение отличным от хищения преступлением, (придерживаясь взглядов дореволюционных теоретиков русского уголовного права). Другие же относили присвоение к одной из форм хищения.

Теоретические пробелы приводили к нарушениям законности в деятельности правоохранительных органов.

В связи с распространением растрат к середине 20-х годов во всех звеньях народного хозяйства, и особенно в кооперации, это понятие стало одним из самых «популярных» в юридической и общественно-политической литературе.

Такая «популяризация» растрат привела к их политизации, и растратчики были поставлены практически в один ряд с контрреволюционерами и объявлены врагами народа.

Такой крен в политическом плане неизбежно привел к смещению акцента в юридических науках. Так, А.А. Иогансен писал: «Действия виновного при должностной растрате, как и при частной, выражаются в том, что он распоряжается вверенным ему имуществом как своим собственным, причем или обращает его в состав своего имущества и не возвращает его собственнику (присвоение), или расходует на свои нужды (растрата)... Растрата считается совершенной с момента издержания имущества или обращения его служащим в свою пользу»⁸.

Очевидно, что такое понимание присвоения и растраты представляет собой существенный отход от «классического» понятия присвоения по советскому уголовному законодательству, которое выражалось в двух формах: удержания и растраты. Автор без какого-либо обоснования меняет рассматриваемые понятия местами. Некоторые криминалисты, видя, что юридические понятия искажаются в угоду политической целесообразности, пытались, хотя и слишком редко, противостоять этому. Так, А.А. Пионтковский отмечал, что «хотя термин «растрата» пользуется широким распространением для обозначения преступлений, предусмотренных ст.ст.113 и 185 УК, однако он не отличается достаточной точностью. Растраты являются одним из способов присвоения. Может быть, налицо состав интересующих нас преступлений и без растраты чужого имущества. Правильнее говорить о присвоении, а не о растрате»⁹.

Неопределенность в отношении содержания понятия «присвоение» вызывалась и тем, что норма о должностном присвоении находилась в главе о должностных преступлениях, а статья, предусматривающая ответственность за присвоение частными лицами, помещалась в главу «Имущественные преступления».

Тем не менее, анализ юридической литературы тех лет позволяет сделать следующий вывод: преобладающим среди юристов было мнение о том, что присвоение является самостоятельным видом посягательства на собственность. Оно рассматривалось наравне с хищением, а не в качестве его формы.

Началом третьего этапа в развитии уголовного законодательства по вопросам охраны собственности и борьбы с хищениями по праву можно назвать постановление ЦИК и СНК СССР «Об

⁶ Уголовный кодекс советских республик. - Киев, 1928. - С.268

⁷ Цит. по: Яковченко Н. О борьбе с растратами // Рабочий суд. - Л., 1925. - №№ 49-50. - С.1855-1858.

⁸ Иогансен А.А. Растраты и хищения. - М.-Л.: Книгосоюз, 1926. - С.13.

⁹ Растраты и растратчики. - М., 1926. стр. 7

охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укрепления общественной (социалистической) собственности» от 7.08.32 г.

Это был первый общесоюзный закон, предусматривающий ответственность за посягательства на социалистическую собственность. Он состоял из введения и трех частей (по три пункта в каждой).

Названный закон «дал совершенно новую по сравнению с действовавшим законодательством конструкцию понятия хищения, охватывая этим понятием все способы и формы противозаконного завладения социалистическим имуществом». Он предусматривал уголовную ответственность за наиболее тяжкие посягательства на собственность и действовал в качестве самостоятельного уголовного закона общесоюзного значения наряду с уголовными кодексами.

В частях 1 и 2 закон предусматривал ответственность за хищение государственного имущества и приравняемых к нему по своему значению грузов на железнодорожном и водном транспорте и имущества колхозов и кооперативов.

С целью точного и единообразного применения Закона от 7.08.32 г. Президиум Верховного Суда РСФСР в своем постановлении от 28 мая 1933 года дал соответствующие разъяснения. Так, в ст.1 говорилось, что тяжесть судебной репрессии следует направить не по случаям незначительных растрат и хищений, а по случаям крупных, злостных и организованных хищений и растрат. Как мы видим, хищения и растраты опять рассматриваются как однопорядковые понятия.

Если следовать логике, то растрата в приведенных случаях не признается законодателем в качестве формы хищения (его разновидностью), а рассматривается наравне с хищением

Такое соотношение понятий хищения и растраты наблюдалось не только в текстах нормативных правовых актов, но и в юридической литературе.

Анализ правоприменительной деятельности следственно-судебных органов того времени, трактовки законов в некоторых источниках уголовно-правовой теории показывает, что объем понятия хищения все более и более увеличивался, и, в конце концов, хищение стало включать в себя и присвоение, и растрату.

Объяснить же текстовый недостаток законодательных норм, ошибочность рассуждений некоторых криминалистов можно, на наш взгляд, тем, что:

во-первых, оставалось сильным влияние традиционного взгляда советского уголовного права на присвоение как самостоятельное преступление;

во-вторых, имелаась большая распространенность растрат, и в политических целях необходимо было акцентировать внимание на этом явлении;

в-третьих, ни законодателем, ни уголовно-правовой наукой не было разработано общее понятие хищения, в котором бы нашли отражение как общие, так и специфические признаки всех форм хищения.

Четвертый этап (1947-1958 гг.) начинается принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества». Он, по сути, заменил собой нормы УК и стал тем законодательным актом, на основе которого привлекали к уголовной ответственности за хищение.

В ст.ст.1 и 3 названного Указа предусматривались три конкретные формы хищения: кража, присвоение и растрата, а также говорилось об ином хищении государственного, колхозного, кооперативного или общественного имущества. Такая конструкция понятия хищения значительно облегчала борьбу с расхитителями народного добра¹⁰.

В то же время, этот закон сделал еще один шаг к отказу от необходимости и целесообразности признания различных форм хищения, что приводило к серьезным нарушениям законности. Рассматриваемый закон однозначно признавал присвоение и растрату разновидностями (формами) хищения, причем формами самостоятельными. Однако такое признание дало повод некоторым ученым-юристам отнести к хищениям и квалифицировать по Указу присвоение найденного социалистического имущества. И такое понимание вытекало из буквального толкования Указа, который называл присвоение одной из форм хищения, хотя по действовавшему в то время УК 1926 г. предусматривались два вида присвоения:

- во-первых, присвоение вверенного имущества, которое в свою очередь подразделялось на:
 - а) должностное присвоение (ст.116 УК),
 - б) присвоение частным лицом (ст.168 ч.1);
- во-вторых, присвоение находки (ст.168 ч.2).

¹⁰ Гельфер М.А. Указ.раб. – С.24-25

Указом 1947 года все эти разновидности присвоения должны были признаваться хищением. Такой подход законодателя был поддержан отдельными криминалистами.

Судебная практика также полностью руководствовалась положениями Указа. В своем руководящем постановлении от 6 мая 1952 года Пленум Верховного Суда СССР указывал: «...всякое присвоение государственного или общественного имущества, независимо от форм и способов его совершения, должно рассматриваться как хищение»¹¹.

Рассматриваемый период заканчивается принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 25 декабря 1958 г. и уголовных кодексов союзных республик в 1959-1962 гг. Эти нормативные акты завершили начатый Законом 1932 г. и продолженный Указом 1947 г. процесс выделения норм о преступлениях против социалистической собственности в единую главу.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать некоторые выводы относительно исследуемой проблемы.

Советское уголовное законодательство вплоть до 1947 г. не признавало присвоение и растрату формами хищения социалистического имущества. Законодательные акты до названного Указа позволяли вследствие их неопределенности, нечеткости и неоднозначности решать данный вопрос как в пользу признания присвоения и растраты формами хищения, так и против этого.

Многие представители уголовно-правовой науки не поддержали концепцию о таком соотношении понятий «присвоение», «растрата» и «хищение», изложенную в Указе 1947 г. Так, М.И. Исаев писал: «Само понятие присвоения и растраты осталось тем же, что и по действовавшему до Указа от 4 июня уголовному праву»¹².

Указ 1947 г. не внес ясности в решение вопросов, связанных с квалификацией хищений социалистического имущества, совершенных в различных формах, скорее - наоборот. Он и не требовал установления конкретной формы хищения, чем был прост в ходе его применения, однако породил и расширительное толкование, произвол правоохранительных органов и беззаконие.

Право отнесения того или иного деяния, причинявшего имущественный ущерб государству или общественной организации, к хищению оставалось за органами следствия и суда. Тем самым этот Указ превращался в «каучуковую» норму уголовного законодательства.

С одной стороны, такая непоследовательность, нестабильность и противоречивость уголовного законодательства, правоприменительной деятельности наложили отпечаток и на уголовно-правовую науку того времени. А с другой стороны, результаты практики и нормотворчества явились следствием отсутствия четкого, научно обоснованного определения общего понятия хищения и его признаков.

Конец спорам положил новый УК КР от 1 октября 1997 года N 68, в примечании 1 к ст.164 которого дается общее понятие хищения, под хищением понимается противоправное, безвозмездное завладение чужим имуществом в пользу виновного или других лиц, совершенное с корыстной целью, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Исходя из такого понятия хищения, мы и будем рассматривать такие его конкретные формы как присвоение и растрата.

Литература:

1. История советского уголовного права (1917-1947). - М., 1948. - С.195
2. История советского уголовного права. - С.228.
3. Соотак Я.Я. Преступления против социалистического имущества. - Тарту, 1983. - С.5-10
4. Гернет М.И. Уголовный кодекс. Научно-популярный практический комментарий. - М., 1925. - С.24
5. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. - СПб., 1907. - С.160, 170, 175.
6. Уголовный кодекс советских республик. - Киев, 1928. - С.268
7. Цит. по: Яковченко Н. О борьбе с растратами // Рабочий суд. - Л., 1925. - №№ 49-50. - С.1855-1858.
8. Иогансен А.А. Растраты и хищения. - М.-Л.: Книгосоюз, 1926. - С.13.
9. Растраты и растратчики. - М., 1926. стр. 7
10. Судебная практика Верховного Суда СССР. - 1952 г. - № 6. - С.3.
11. Исаев М.И. Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. - М., 1948. - С.8.

¹¹ Судебная практика Верховного Суда СССР. - 1952 г. - № 6. - С.3.

¹² Исаев М.И. Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. - М., 1948. - С.8.